

К счастью, это Сюань Е, а не Сюанье...

Глядя на имя, высветившееся на панели, Ли Ю не находил слов.

Помимо домашнего прозвища Железный Котел, полгода назад, когда ему исполнилось пятнадцать лет, старец Фамин даровал ему духовное имя Сюань Е.

А Монах Тан, само собой, был Сюаньцзаном.

Но слушай, это же какое-то жульничество! Разве не должно быть бессмертия? Почему продолжительность жизни — всего чуть больше десяти тысяч лет?

Или дело в том, что я недостаточно сильно укусил в прошлый раз? Цапнул только самый верхний слой кожи, а до мяса не добрался?

Закончив мысленно ругать свое духовное имя, Ли Ю — нет, теперь уже Сюань Е — перевел взгляд на вторую строку панели, показывающую оставшийся срок жизни.

Всего один укус мяса Монаха Тан разом прибавил ему больше десяти тысяч лет жизни — по идее, этого уже было более чем достаточно.

Однако он-то рассчитывал на настоящее бессмертие, на бесконечную продолжительность жизни!

Если следовать правилу, что один юань делится на двенадцать вэй, одно вэй включает тридцать юнь, а один юнь состоит из двенадцати ши, и в каждом ши тридцать лет... получается, один укус мяса Монаха Тан добавил жизни всего на одно вэй?

В следующий раз попробую еще раз!

Проводив взглядом шедшего впереди Монаха Тан, который нес коромысло с водой, Сюань Е с досадой потер коренные зубы.

Заметив, что Монах Тан сдвигает коромысло ближе к себе, пытаясь облегчить ношу старшего брата, так что его спина полностью промокла от расплескавшейся воды, Сюань Е чуть сильнее качнул коромысло в свою сторону, желая облегчить ношу младшего брата...

Тратя годы жизни, можно совершенствовать боевые искусства и техники — это уже интереснее.

Быстро пробежав глазами последнюю строку панели, Сюань Е мысленно набросал план дальнейших действий.

Раз уж есть панель и есть годы жизни...

В данный момент ему отчаянно не хватало техник культивации, божественных способностей и легендарного оружия!

Следующий шаг — спуститься с горы и вернуться к мирской жизни!

Вылив воду в кухонный чан, Сюань Е окончательно определился со своими планами.

В Монастыре Цзиньшань его прежний владелец прожил пятнадцать лет, и старец Фамин учил их исключительно различным канонам и сутрам.

Здесь не было абсолютно никаких магических искусств или божественных способностей.

Смутные воспоминания о телевизионном сюжете Путешествия на Запад подсказывали ему, что в Монастыре Цзиньшань вообще не обучают магии.

А значит, дальше путь один — возвращаться к мирской жизни.

И вовсе не ради прекрасных дев Великой Тан и не ради всевозможных демониц.

Он возвращался к мирской жизни исключительно для того, чтобы раздобыть техники культивации, а затем усилить их за счет очков жизни!

Честно!

Ночь.

Монастырская келья Монастыря Цзиньшань.

Два маленьких монаха сидели вместе, глядя друг друга.

Младший братец, эта игра в камень-ножницы-бумагу сегодня зашла слишком далеко, давай сыграем во что-нибудь другое.

Глядя Сюаньцзана по руке, чтобы лечебная мазь впиталась быстрее, заговорил Сюань Е.

Сыграем в другую игру?

Монах Тан, который в ответ точно так же гладил Сюань Е, втирая лекарство для старшего брата, удивленно переспросил:

Да, сыграем в прятки!

Сюань Е выдал предложение на удивление бодро.

Приняв решение спуститься с горы и покинуть монашество, он, разумеется, не собирался уходить в одиночку.

Обязательно нужно взять с собой Сюаньцзана!

Ведь у этого парня в мирском мире имелась мощнейшая опора.

Отец — чжуаньюань, дед по материнской линии — нынешний государственный гун и канцлер, классический представитель «золотой молодежи».

А он сам — закадычный брат этого мажора.

Идти нужно только вместе!

Отказываясь от монашества, никак нельзя бросать Монаха Тан!

Прятки? Я тебе не трехлетний ребенок!

Услышав, что старший брат предлагает сыграть в прятки, Монах Тан недовольно надул губы.

По сравнению с такой новинкой, как камень-ножницы-бумагу, прятки казались слишком банальными и детскими.

Младший брат, мои прятки — новой модификации!

Сюань Е пустил в ход все свое красноречие.

Модификации?

Верно, так ты будешь играть или нет?

Ну... давай попробуем?

Монах Тан, уже полностью попавший под влияние Сюань Е, с легкостью клюнул на удочку.

Отлично, спать!

Цель достигнута, Ли Ю похлопал Монаха Тан по плечу и повернулся на бок.

Подвинься левее!

Если еще раз закинешь на меня ногу, я тебе ее сломаю!

Отодвинувшись от беспокойно ворочающегося во сне Монаха Тан, Сюань Е оскалил зубы.

Он вдруг заметил, что Монах Тан трет рану на руке, а на его лице при этом застыло выражение чистого блаженства.

Это зрелище слегка его напугало.

Он знал, что Монах Тан очень привязан к нему как к старшему брату, но всему же есть предел.

Только не хватало за этот месяц воспитать из пареньца скрытого мазохиста, это уже полный бред.

Бросив полный тревоги взгляд на Монаха Тан, переживавшего как раз пубертатный период формирования мировоззрения, Сюань Е плотнее закутался в одеяло...

Предложение сыграть в прятки, разумеется, имело под собой веские причины.

Чтобы уйти с горы и вернуться к мирской жизни, нужен повод.

И в качестве повода он выбрал происхождение Монаха Тан.

Согласно его скудным воспоминаниям, старец Фамин спрятал написанное кровью письмо матери Монаха Тан вместе с фамильной реликвией на главной балке в большом зале Монастыря Цзиньшань.

Чтобы уйти с горы, придется использовать это дело.

А обнаружить спрятанную на главной балке реликвию в процессе игры в прятки — вполне правдоподобно, верно?

Конечно, чтобы старец Фамин не перепрыгал вещицу, действовать придется быстро.

Не получится растягивать удовольствие постепенно, как это было с вкусом мяса Монаха Тан...

Небесные тайны погрузились в хаос...

Будет ли это благом или бедой — небеса сами вершат судьбы!

Во внутреннем дворе Монастыря Цзиньшань, в покоях настоятеля.

Старец Фамин, отчитавший во второй половине дня заигравшихся учеников и выделивший им мазь, приступил к медитации.

Глубокой ночью, завершив практики, старец Фамин легко вздохнул.

Он знал, что великая беда-катастрофа приближается вновь, а небесные тайны окутал хаос.

Хотя гадатель не гадает себе, а врач не лечит себя сам, кое-что старец Фамин все же сумел просчитать: его ученики будут самым прямым образом замешаны в грядущей катастрофе.

Именно поэтому он не слишком строго пресекал их баловство последние полгода.

Однако сегодняшнее происшествие, когда оба ученика пролили кровь, заставило сердце старика забиться в тревоге.

В то же время он понимал, что в делах, затрагивающих великие бедствия, нельзя идти наперекор течению.

Чем сильнее сопротивляешься, тем хуже последствия — нужно следовать естественному ходу вещей.

Намоутировав слова Будды, старец Фамин снова закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/18558/1786803>